ИДЕОЛОГИЯ

НА ВТОРОЙ КРУГ?

(Европейское время. 1992. №2)

Летом из директорского корпуса доходили слухи, что скоро все станет на свои места: Гайдара сменят, а Ельцин будет лишь штамповать политику нового, не спешащего к рынку правительства.

Но, не дожидаясь перемен в Москве, правительство Беларуси на заседании Президиума Совмина 8 сентября объявило о «новом» курсе. Как было сказано в докладе председателя Госэкономплана С.Линга, упования на то, что рынок отрегулирует все, не подтвердились практикой. Он самокритично признал, что правительство забыло о регулирующей роли государства, в то время как процветающие страны, имеющие рыночную экономику, от функций регулирования не отказываются. Убедившись, что рынок ни к чему хорошему не привел, участники заседания «предпочли государственное планирование рыночному переделу». Вячеслав Кебич уже далеко не в первый раз потребовал от ВС новых законов, которые сняли бы ограничения на вмешательство в дела предприятий и позволили бы правительству принять ряд жестких мер для стабилизации обстановки в республике. (Интересно, заинтересуется ли парламент на этот раз, почему ранее выдававшиеся Кебичу чрезвычайные полномочия оказались бесполезными?)

По сути, правительство отказалось от проведения рыночных реформ и возвращается к командной системе. Ничего неожиданного в этом нет, но все-таки поразительно объяснение причин этого отката. На деле рынок затронул лишь узкую часть экономики. Биржи, коммерческие банки и другие рыночные институты - это пока лишь опереточные декорации системы, которая на 95% осталась, по существу, командной. Не было выполнено даже самое первое условие перехода к рынку - либерализация цен. Цены в госторговле, например, до сих пор оставались в 1,5-2 раза ниже коммерческих. Рынки земли, рабочей силы, ценных бумаг и т.д. или отсутствуют, или находятся пока в эмбриональном состоянии. Коррупция и спекуляция были вызваны скорее неразвитостью рыночных отношений и, несомненно, сильным государственным вмешательством в экономику. Сколько преступлений отпало бы само собой, если бы цены регулировались рынком, и не было двойной системы. Приватизация, будь она проведена, исключила бы «прихватизацию». Спад производства и рост цен были вызваны большей частью не рынком, а издыханием отжившей системы, неспособной даже оживить простаивающие скважины и схватить глоток нефтедолларов.

В общем, до рынка еще далеко. А пока, чтобы попугать народ, беспредел коррумпированных чиновников выдают за беспредел рынка. Нужно

ведь какое-то объяснение возврату к старой системе. Господствующая сегодня коммунистическая элита республики никогда к рынку не стремилась. Рынок чужд ее менталитету. Под давлением обстоятельств на последнем съезде КПБ она проголосована за переход к рынку, но на базе общественной (!) собственности. Эти «сапоги всмятку» были названы «белорусским вариантом» перехода.

Тогда же номенклатура нашла и способ спасения централизованного управления в республике в условиях распада управленческих структур СССР. По инициативе правительства Беларуси началось заключение межправительственных соглашений. Казахстан, к примеру, продавал нам зерно, а Беларусь - трактора, холодильники. При этом президенты и премьеры торговались как заправские фирмачи. Но межреспубликанский рынок президентов исключает рынок предприятий, предпринимателей. Последним остается лишь выполнять спущенные сверху заказы на поставки по утвержденным правительствами ценам. Таким образом, правительство контролирует распределение важнейших ресурсов (около 200 наименований).

Никогда наше правительство не признавало системных причин кризиса. Всегда трудности объяснялись чем-то поверхностным и преходящим (от происков демократов и отсутствия дисциплины до разрыва хозяйственных связей, отсутствия оборотных средств, кризиса сбыта...). Никогда правительство не отказывалось от централизованного планирования. Дискредитация директивного планирования объяснялась идеологическим давлением: политики, мол, требовали от плановиков больше, чем они могли предложить. До сих пор в принятой ВС «Программе перехода Белорусской ССР к рыночной экономике записано, что план должен «... устанавливать директивные задания и экономические условия деятельности предприятий». Так что начатое отступление назад можно объяснять выполнением «Программы перехода...»

Каким образом номенклатура представляла себе сочетание плана и рынка, можно видеть из высказывания Кебича на Президиуме Совмина еще тогда, когда он только стал премьером: «Совет Министров внес предложение ввести республиканский госзаказ, который бы позволил насытить рынок Беларуси» (7 дней. 1990. № 34). Итак, госзаказ для поставок на рынок (читатель, вдумайся в смысл!) в 1992 г. составил, например, почти 100% в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Не лучше и положение в легкой промышленности, ряде других отраслей.

Никогда не прекращалась идеологическая обработка населения, которому говорили, что «у них» планируют и регулируют больше нашего. Возможно, что номенклатура искренне убеждена в этом (каждый видит, что хочет видеть). Сошлюсь лишь на выводы компетентных специалистов из Института мировой экономики и международных отношений России, занимающихся исследованием современного капитализма. Они утверждают, что надежды на решение больных вопросов экономики с помощью государственного регулирования, появившиеся в 60-х годах, не оправдались. «Было осознано, что согласование экономических интересов сторон, имеющих разные цели, на современном этапе развития производительных

сил, равно как и в предвидимом будущем, достигается жесткой конкурентной борьбой на стоимостной основе» (Современный капитализм. М.: Наука, 1989. С.87).

Возврат к планированию и администрированию - это не вынужденное отступление от реформ перед страхом экономической катастрофы и социальных потрясений. Напротив, это - возврат к привычным и понятным методам управления от вынужденной игры в рынок. И то, что в нашей республике правительство одним из первых открыто отбрасывает маски, видимо, не случайно. Потому что население республики, если верить социологическим обследованиям в странах СНГ, наименее всего воспринимает ценности либерализма. Так что действия правительства соответствуют требованиям масс навести порядок, покончить со спекуляцией, коррупцией, остановить падение уровня жизни и рост неравенства в доходах. Тем более, что причины этих негативных явлений многие, под влиянием непрерывной пропаганды, видят в рынке.

В этом месте неискушенный читатель может спросить, а чем, собственно, плох возврат к жестким мерам, планированию, регулированию цен и т.д.? Коротко я бы ответил, что нет в принципе того планирования, которое смогло бы заменить рынок как регулятор пропорций производства и инструмент оценки общественных результатов труда. Другими словами, не к чему возвращаться. На эту тему написаны горы книг. Могу сослаться и на личный опыт. В 1967 г. нас, студентов старшего курса экономического факультета МГУ, привлекли для обследования отделов Госплана СССР. Полгода я просидел в отделе труда и заработной платы, изучая, как формируются показатели плана (чтобы расчеты передать потом на ЭВМ). Для себя выяснил, что суть расчетов - это подгонка либо под интуицию эксперта, либо под контрольные цифры и дутые показатели, закладывавшиеся в план. Потом я набирался практического опыта планирования, работая после учебы в экономическом институте Госплана БССР, заведуя отделом перспективного планирования в отраслевом институте, занимаясь проблемами прогнозирования развития республики в Институте экономики АН БССР. Зная методологию и кухню планирования, могу утверждать, что директивное планирование - это первопричина анархии и разложения экономики.

Вот как, например, разрабатывалась Комплексная программа НТП, т.е. документ, откуда, собственно, и начинались контрольные цифры. Мы отправляли исполнителям (я курировал разработку прогноза по строительному комплексу) кучу пустых таблиц с требованием указать, сколько, к примеру, будет в отрасли экскаваторов с объемом ковша 0,4 куб.м в 2005 году или какой объем нормативно-чистой продукции или производительность труда будут в 2010 году. В разных институтах и организациях эти таблицы заполняли, писали, сколько у них, к примеру, будет роботов через 15 лет и т.д. Потом все эти никак не взаимоувязанные данные собирались, сбивались в тома и отгружались прежде всего в ЦК КПБ. Исполнители, работающие не первый год в плановой системе, быстро выполняли работу, заполняли таблицы, глядя в потолок и придавая своим отчетам науко-

образный вид. Но попадались новички или дураки. Те добирались до кураторов и просили объяснить, как рассчитать тот или иной показатель. Прогнозные показатели выходили, естественно, радужными и тут же лопались. В очередной разработке опять рисовали красивую картинку и т.д.

Не лучше положение дел и при разработке других плановых документов. Ни ранее, ни теперь не было и нет системной увязки показателей прогнозов и планов. Строители рисовали, сколько они будут строить, не заботясь, будут ли металл и энергия. Энергетики рисовали, сколько они введут мощностей, не заботясь, хватит ли на это ресурсов и т.д. В общем, в хозяйстве все взаимозависимо, а у плановиков - нет. У них нет таких моделей и процедур, чтобы взаимозависимости эти улавливать. Каждый отдел Госэкономплана решает свою задачу. Удивительно, но факт, там до сих пор нет даже общего банка данных, чтобы отделы могли быстро обмениваться данными.

Не спешите, читатель, снять этих плановиков и посадить новых, вооружив ЭВМ. От этого мало что изменится. Трагедия большевиков заключается в том, что они взялись за неразрешимую задачу. Избегая гримас рынка, они решили организовать народное хозяйство как одну фабрику. Но не учли лишь сложность управления из одного центра. Сложность директивного планирования и управления не меньше, чем сложность восстановления живого дерева из золы, пара и газов, образовавшихся после его сожжения.

Понадобилось 70 лет, чтобы большевики разбили себе лоб об эту сложность. Еще не опомнившись, они делают второй заход, на который на этот раз понадобится небольшое время. Так бабочки идут на фонарь, пока не обгорят.

Известный философ, писатель А. Зиновьев сделал вывод, что коммунизм созвучен коллективной душе славян, что они ни к какому рынку не пойдут, а вернутся к своему коммунизму. Если это так, то возможно, что второй поворот к коммунистическим идеям не будет последним. Возможно, прав был Н.А. Бердяев, когда утверждал: «Излечение может наступить лишь после страшного кризиса, когда весь организм русского народа будет близок к смерти».